

В ГОСТЯХ ХОРОШО, А ДОМА ЛУЧШЕ

Ксения Дмитриевна Поддубная родилась в Оренбурге. В настоящее время учится в гимназии № 5, занимается в литературной группе «Расцветающий сад» при Оренбургском областном центре выявления и поддержки одарённых детей «Гагарин». Участвует в литературных конкурсах различного уровня. По итогам участия в первом региональном семинаре для литературно одарённых детей «Мы растём в Оренбуржье» была рекомендована для издания в литературно-художественном и общественно-политическом журнале писателей России «Гостиный Дворь». Несколько её рассказов были напечатаны в газете «Вечерний Оренбург» и в литературном сборнике молодых авторов «Альманах. Сириус. Регионы».

Старая ворона заняла самую высокую ветку на берёзе и огляделась. В тихом прозрачном воздухе стояло утреннее марево. Ранняя осень разукрасила резные листья деревьев. В лучах просыпающегося солнца они становились изысканно-красивыми. На Патриарших прудах тихо. Не было ещё шумных туристов, крикливых малышей и назойливых мальчишек.

Можно посидеть, подумать, вспомнить. В шумную Москву ворона перебралась из тихой деревни на берегу небольшой речушки. Она бы никогда не покинула насиженное место, где у неё была целая стая подруг, знакомые коты и собаки, спокойно-дружелюбные люди, где прошла её молодость. На краю той деревушки росло «воронье» дерево. Не одно поколение ворон строило на его ветках свои гнёзда, где переговаривались вороны-товарки о жите-бытье, иногда ссорились.

Только один из жителей, рачительный Степан, решил срубить берёзу на дрова. С первым визгом пилы запищали воронята, возмущённо закаркала чёрная воронья туча, но уже через полчаса лежали на земле разорённые гнёзда, валялись кругом поломанные ветви, а птицы, полетав над разрушенным домом, отправились искать новое пристанище.

Разгорался день. К памятнику Ивану Андреевичу Крылову привели школьников. Ворона задумалась. Статуя писателя была большой и, казалось, удобной, но птицы никогда не садились на неё, уважительно поглядывали с деревьев. Ворона часто разглядывала героев его басен. Но, конечно, больше всех её привлекали Ворона и Лисица. Правда, Обезьяна и Моська тоже были хороши. Туристы на счастье потирали руками скульптуры. И опять вороне было обидно: тёрли хвост лисицы, а ей, такой умной и замечательной птице, ласки не доставалось.

С крыши соседнего дома скачивались вороны. Они неутомимо взлетали на конёк здания и катились по черепице вниз. Когда-то и она любила такие развлечения, а сейчас всё больше по экскурсиям да памятникам.

Внезапно птица вспомнила, что её в деревне старухи звали Нюской. Они отличали её от других птиц, потому что была самой любопытной и озорной. Ведь она даже разговаривать

умела на человеческом языке.

Нюська от восхищения собой даже клюв приоткрыла. Вспомнила, что, бывало, сядет на дереве и мяукает, как рыжий кот: «Мяу, мяу». Цыплята со страху есть бросают, под крыльцо забиваются, а её старый враг Барбос выскакивает из будки и заливается лаем, уж больно он кошек не любил. Опять мяуканье с дерева раздаётся, пуще беснуется Барбос, пока рассерженная хозяйка веником не наведёт порядок. Иногда и вороне доставалось. Весело было, не обидно.

Давно пора лететь вороне по своим вороньим делам. Но притягивает её этот старинный спокойный уголок большого суетного города.

Опять ребятишки басни рассказывают. Кажется, она уже тоже повторить может и каркнуть «во всё воронье горло». А тут опять забытые воспоминания.

Научилась Нюська голосом хозяйки Барбоса звать. Доверчивый пёс, думая, что хозяйка ему еду принесла, вылезал из будки и озадаченно смотрел на пустую миску. Увидев пернатую знакомую, он начинал неистово лаять. Нюська его поддерживала с дерева: «Гав, гав». Мир пса перевернулся, когда он посмотрел на гавкающую ворону. Его лай стал таким пронзительным, что из дома выскочила хозяйка с веником и криком: «Ты сказался, что ли? Петухи по всей деревне днём закричали». А Нюся подтвердила: «Кар! Кар!»

Зазвонили колокола в соседнем переулке. Некстати вороне вспомнилось, что разоряла она гнёзда диких уток в камышах, уж больно ей их яйца нравились. Пока утка с селезнем по болоту плавают, Нюська в камышах безобразничает. Глупая была, молодая. Перестала она чужие гнёзда грабить, когда её детишек сова ночью погубила. Осознала Нюська цену материнских чувств и в камыши больше не летала.

Высоко в голубом небе появились косяки журавлей. Ласточки и стрижи первыми почувствовали приближение холодов и уже попрощались с домом до весны. Ворона не могла объяснить своё волнение при взгляде на голубое небо. Казалось, стаи птиц задевают тайную струну, когда хочется всех любить, даже несносных школьников, вспоминающих про книги только у памятника Крылову, людей, населяющих этот шумный и опасный город. Нюська вдруг поняла, что, несмотря на сытное привольное житьё, он так и не стал ей родным. Боясь передумать, ворона возвращалась туда, где у неё было имя, подруги, пёс Барбос, где был её дом...

Ещё не видя деревни, Нюська поняла, что вернулась: привычные звуки слышались из-за холма, тянулся дым осенних костров.

Залетев на колокольню местной церкви, ворона задела крылом верёвки и известила о своём

возвращении беспорядочным, но громким звоном. Приземлившись на берёзе, сквозь жёлто-оранжевые листья она оглядела двор. Всё было по-прежнему. Из дома вышла хозяйка. Увидев на привычном месте птицу, она недовольно произнесла: «Явилась — не запылилась! Что, в гостях хорошо, а дома лучше?» Из будки выскочил пёс. С деланным безразличием он покосился на ворону, придвинул ближе свою миску и посмотрел на подросших цыплят. «Мяу», — сказала Нюська. В словесный спор с ней вступила кошка, которую тоже звали Нюської. «В честь меня», — гордо решила ворона.

Неприветливый осенний день вдруг стал светлым и добрым. Солнышко выглянуло из-за туч, обогрело землю, и появилась надежда, что суровая зима будет не скоро. «Мы ещё поживём», — подумала ворона. Нельзя улетать, когда тебя любят.

Они уже не исчезнут

Каждое лето Володя ездил к бабушке в деревню. Трудно с непривычки ему было с местной фауной. Гусак шипел и щипал его за босые ноги, бычок с едва наметившимися рожками смело бодал его, корова шла совсем в другую сторону, чем нужно. Особой любовью у мальчишки пользовались только лошади. Пастух сажал его с собой верхом, дед разрешал прокатиться на телеге на стог пахнувшего

травой сена. Он кормил лошадь морковкой и яблоком, в благодарность она лизала его шершавым языком. В этот момент Вовкина душа таяла, как мороженое на солнце, и он готов был примириться с остальной живностью бабушки.

Обидно, что очное знакомство с лошадьми началось с Вовкиной двойки за диктант про русского учёного Николая Пржевальского. В его фамилии третьеклассник сделал две ошибки. Правда, он и окончания склонений перепутал, но винил всё же этого путешественника с трудной фамилией.

В Оренбургском заповеднике жеребёнка Сириуса разбудил яркий луч солнца. В зоопарке во Франции, где он жил с рождения, такого солнца никогда не было. Вспомнилось, как множество людей рассматривали его, дети пытались погладить. Однажды обсыпали его конфетти, радостно хлопая в ладоши. Кто-то называл его «гадким утёнком», он не понимал почему. Ведь утки совсем не лошади. Но сейчас все обиды забылись, неизвестность страшила его. Неуверенно встав на ножки, будто ещё слыша стук вагонных колёс, он огляделся.

Кругом расстилалась степь, такая огромная, что не было видно конца. Жеребёнку стало страшно. Он захотел домой, к маме, одиночество пугало его. Казалось, он потеряется в этом бескрайнем море травы, ковыля.

Появился какой-то серый зверёк с длинными ушами. Встав в бойцовскую позу, заяц-русак готов был броситься в драку с новым обитателем. Сириус побежал прочь от маленького врага.

Остановившись, он глубоко вздохнул. Воздух казался сладким от смешения запахов цветов, земли и чего-то неизведанного, но притягательного. Жеребёнок осторожно потянул травинку, пожевал её, потом вошёл во вкус и вдруг понял: он дома, здесь настоящая свобода, всё будет хорошо.

Так думал и Вовка, получив от отца обещание съездить на канникулах в заповедник и увидеть диких лошадей, породу которых открыл тот самый учёный с трудной фамилией.

Жеребёнок с интересом оглядывался по сторонам. Чутким носом уловил знакомый запах. Так пахнет лаванда, вызывая неясные воспоминания.

Наверное, это сработала генетическая память. Он помнит горы и пустыни, огромных животных с длинными шеями, слоновых черепах, неповоротливых и нелюбопытных, деревья, которые мешают бежать, когда нужно спасти жизнь. Он всего этого не мог видеть, но код, заложенный самой природой, помогал почувствовать его причастность к цивилизации, существовавшей миллионы лет назад. Волнующее чувство узнаваемости звало его вперёд, он хотел увидеть степь во всей красе, найти своих соро-

дичей. Какая-то птица вспорхнула из-под его копыт.

Вдруг Сириус замер. На небольшом озёрке недалеко плавали белоснежные птицы невиданной красоты. Грациозные, с длинной шеей, они казались воплощением невысказанной мечты. Раздался всплеск, и с ними закружился в танце чёрный лебедь. Жеребёнок ощутил невиданное доселе волнение, он готов был вечно смотреть на это чудесное зрелище.

Солнце поднялось выше, и степь расцвела. Лиловые, розовые, синие и лазоревые цветы подняли головки, жёлтые первоцветы тянулись ввысь. Цветы и прекрасные птицы сошлись в хороводе единения с природой, в гармонии солнечного танца. Зрелище было таким завораживающим, что Сириус не сразу увидел своих собратьев, скачущих оттуда, где вставало солнце. Он понял, что это были старожилы. Примут ли они его в свою семью? Забыв про птиц, не заметив суслика или сурка, который, стоя столбиком, недовольно смотрел на чужака, он тихонечко заржал.

Табун изменил направление, затем несколько лошадей приблизились, самый крупный жеребец поднял уши, что говорило о проявлении интереса к жеребёнку. Его морда и хвост не выказывали агрессии, скорее, любопытство читалось в умных глазах. Сириус с волнением ждал приглашения. По только ему понятным признакам

он понял, что обрёл новую семью. Благодарно взвизгнув, он уткнулся мордочкой в ту, что напомнила его мать, и поскакал навстречу новой жизни.

Прошла весна. С наступлением тепла лошади поменяли свои густые шубы на тонкую шерсть. Степь становилась однотонной, но не менее красивой. Цветущий ковыль волновался при их приближении, кустарники манили яркостью листьев. Лето было так же чудесно, как и весна. Сириус уже не вспоминал ни Францию с запахом лаванды, ни страх перед будущим. Он полюбил свою новую родину.

Лето было разнообразно на события. Однажды ночью к табуну пришёл волк. Дозорный самец поднял тревогу. Малыш Сириус находился в середине табуна, стоявшего кругом. Вокруг него были самки, закрывавшие его от любой опасности. На переднем крае были самцы, принявшие бой и победившие. Крупный степной волк навсегда запомнит копыта сильных ног, огромные зубы, удивительное хладнокровие этих диких животных, сплочённость и уверенность в победе. Враг посрамлён, лошади не стали его догонять, хотя скорость, которую они развивали, могла бы шквальной бурей снести врага и растоптать. Но благородные кони поскакали туда, где встаёт солнце и начинается новый день.

В воскресенье отец выполнил своё обещание, и Вовка поехал с

ним на экскурсию в заповедник. Мальчик, не отрываясь, смотрел в окно. Летняя степь была величественной, хотя цветов было уже мало. Бескрайние просторы, уходящие за горизонт, слияние неба с землёй, любопытные обитатели степи, провожающие автобус, — всё приводило Вовку в восторг. Он громко объявил, что будет путешественником, как Пржевальский. Взрослые улыбались, видя его радость.

И, наконец, заповедник. Вовка, набравший полные карманы морковки, ждущий катания на лошадях, был разочарован до слёз, узнав, что лошади дикие, их можно рассматривать на расстоянии десяти метров.

Рано утром Сириус увидел группу людей. Забытое чувство заставило подойти поближе. В зоопарке они были разделены сеткой, а здесь люди были так близко, так незнакомо пахли, так будоражили душу... Сириус сделал ещё несколько шагов, но предупредительное ржание Оливии, заменившей ему мать, заставило замереть. Он услышал мальчика, который кричал: «Какие красивые! Ноги как у зебры, полосатые, а гривы как у Конька-Горбунка из сказки».

Глаза мальчика и жеребёнка встретились. У Сириуса поднялись уши, он приветственно поднял хвост и подмигнул Вовке. «Я ему понравился», — снова не удержался мальчик. В знак согласия Сириус топнул копытом и вернулся к своему табуну. Ведь

он принадлежал к дикой породе лошадей, спасённой людьми от вымирания.

Сириус проснулся на рассвете. Солнце ещё не взошло, воздух был свеж, бездонная синь неба куполом накрывала степь. Распевались птицы, шуршали в норках зверьки. Степная лисица махнула хвостом, забежав в гости к цаплям. На озере не было лебедей, их место заняли красные утки. После вчерашних гостей осталось маленькое ведёрко овса.

Жеребёнок заржал, призывая табун порадоваться новому дню. Вчера на свет появился ещё один маленький член семьи. Теперь Сириус будет опекать его. В отличие от других лошадей нового жителя назвали простым русским именем Надежда.

Вовке долго ещё снились цветные сны. В них Конёк-Горбунок бежит среди разноликих тюльпанов, радуга поднимается в небо, а дикие лошади Пржевальского танцуют вальс.

В далёкое прошлое ушли те времена, когда неуловимые табун диких вольнолюбивых лошадей бегали от охотников по степям Монголии и готовились погибать от людской жестокости, засухи, смены климата. От тех времён остались на скальные рисунки, найденные археологами, где рядом с динозаврами горделиво несёт голову свободлюбивый дикий конь, названный в честь великого русского учёного.

Урок для Андрюшки

Весна в селе Буланове Октябрьского района выдалась неспокойной. Пригрело солнышко, потекли ручьи. В воздухе витал неповторимый вкус обновления природы.

Но по ночам всё чаще жителей тревожил волчий вой. Иногда одинокий, а иногда, казалось, целая стая переговаривается друг с другом. Солнышко припекло, появилась первая трава, но волчий вой рядом с Берёзовой горой слышался даже днём.

Но не к несчастьям и бедам был этот вой, как поговаривали на селе.

Переполох был из-за волчонка, появившегося на свет ранней весной. Вся его вина в том, что очень был он любознательным. Едва встав на неокрепшие лапы, он выглянул из бывшей лисьей норы в узловатых корнях большого дерева. Его голубые глаза жадно вглядывались вдаль, мечтая «о подвигах, о славе». Употительный весенний воздух звал в неизведанное и будоражил душу. Родители заботились о нём, братья-погодки приносили еду, а он рвался на свободу. Воспользовавшись случаем, удирал на волю, а родители призывали его назад, пугая всё село.

Открытием для Волчонка был родник. Холодная и необыкновенно вкусная вода была ключом, причудливо играя в лучах солнца. Пьянея от аромата цветущей степной вишни, зверь познавал новый мир. Его неудержимо

тянуло к людям, приходившим к роднику, но тягучий вой матери останавливал его. Волчонка неодолимо влекло на Берёзовую гору. Сплошь засаженная осинками и берёзами, высокой травой, летним днём она стояла в переливах от бледно-зелёного до насыщенно-изумрудного. Временами Волчонок видел ежей и других зверьков, которыми его кормили родители и старшие братья, но пока он хотел бы подружиться с ними.

Любопытство однажды чуть не привело к беде. Пытаясь поймать бабочку, слившуюся с жёлтым цветком, Волчонок запутался в чилиге, росшей путаной колючей стеной. Пытается Волчонок из плена спастись, а над ним пчёлы кружат, да шмели с осами гудят, норуют на незащищённый нос сесть. Тут уже и Волчонок на помощь позвал, тоненький неокрепший вой разнёсся над горой. Столько отчаяния было в его голосе, что замолк родник, спрятались ежи да суслики, но опять помогли любящие родители. Отсидев с распухшим носом в норе, которая стала тесной для семьи, снова отправился Волчонок познавать край, который стал для него родным.

Незаметно катилось лето. Вот и Берёзовая гора стала рыже-золотой, рябина вызрела, собирая стайки птиц. Осенью учился Волчонок охотиться, скоро в норе появятся новые малыши. Беспросветная осень неожиданно сменилась белоснежным покровом, зеркалом на реке Салмыш,

что под горой, пронзительно чистым воздухом, где каждый звук ломался музыкальным звоном. Голубые глаза зверя давно потемнели, шерсть стала гуще, но страсть к путешествиям и приключениям жила в нём.

Жители Буланова привыкли к соседству волков, тем более вой раздавался реже, а иногда и вовсе не был слышен. Ясным декабрьским утром Иван с другом Сергеем собрался на рыбалку. Первоклассник Андрюшка уже неделю просился с ними. Добившись согласия, он был готов надеть колючие носки, тяжёлую куртку, даже мамину паутинку под шапку. Выезжали рано утром. Ещё не рассвело, снег искрился в свете фонаря, лёгкий пар поднимался над рекой.

Салмыш замёрз, но лёд был тонкий, поэтому лунки пробивались легко. Рыба при свете наступающего дня жадно хватала воздух и даже выпрыгивала на лёд. Андрюшка был счастлив. Он обнимал каждую рыбёшку, прежде чем положить в корзину, что-то шептал ей. Рыбалка удалась. Довольные взрослые загрузили улов в «буханку», посадили радостного мальчишку и тронулись по просёлочной дороге. По накатанной колее машина набирала скорость. Вдруг Андрей закричал: «Собака тонет! Спасите её». В середине Салмыша в проруби тонула собака. Цепляясь за хрупкий лёд, она раз за разом падала в стылую воду, расширяя прорубь.

Мужчины, взяв верёвку, ползком стали подбираться к

животному. Нестойкий лёд трещал, течение не дало ему замёрзнуть. Смышлёный зверь пытался ухватиться зубами за верёвку, но, намокшая и тяжёлая, она выскользнула из пасти. Наконец Иван, лёжа на льду, подстрахованный Сергеем, вытянул собаку за загривок.

Прижав к себе, он понёс её в тёплую машину. Спасённая собака лежала тихо, укутанная шалью. Вдруг Андрейка, встретившись с чёрными глазами животного, отпрянул и закричал: «Это не собака, это волк!» Все сказки сразу вспомнились ему. Впечатлительный мальчик увидел пасть, полную огромных зубов, настороженные уши — и расплакался, требуя выбросить волка.

Волчонок поднял голову, внимательно оглядел всех и прижался к ногам мальчугана. Его взгляд выражал такую преданность и благодарность, на какую не всегда способны даже домашние животные. Иван сказал: «Выбросим — погибнет. Он должен согреться».

Андрей несмело протянул Волчонку рыбку. Зверь завилял хвостом, как их собака Вихрь. Остальную дорогу все молчали под впечатлением от неожиданной встречи.

У Берёзовой горы согревшегося волка выпустили. Не оглянувшись, он побежал к своей стае.

Ночью Андрею приснился сон, где большой волк катает его на широкой лохматой спине.